

Владимир Обручев
«Плутония»
«Земля Санникова»

Алексей Толстой
«Аэлита»
«Гиперболоид инженера Гарина»
«Остров погибших кораблей»

Александр Беляев
«Голова профессора Доуэля»
«Человек-амфибия»

Иван Ефремов
«Туманность Андромеды»
«Час быка»

Аркадий и Борис Стругацкие
«Страна Багровых туч»
«Стажеры»

Кир Булычев
«Последняя война»
«Поселок»

Иван
Ефремов

ТУМАННОСТЬ
АНДРОМЕДЫ

ЧАС БЫКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е92

Иллюстрации на шмуцтитутах *И. Иванова*

Ефремов, Иван Антонович.

Е92 Туманность Андромеды ; Час Быка : [романы] / Иван Ефремов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Лучшая советская фантастика).

ISBN 978-5-699-96992-0

При возвращении на Землю аномезонный звездолет «Тантра» оказывается в плену невидимой в обычном свете Железной звезды. Командир корабля Эрг Ноор принимает решение посадить «Тантру» на планету, обращающуюся вокруг этой звезды-невидимки. Эрг Ноор и его экипаж не знают, что обрекают себя на долгие дни тяжелейшей борьбы за выживание, но готовы на любой риск. В то время как на счастливой Земле, где давно построен коммунизм, лучшие умы ищут способ мгновенного преодоления пространства и времени...

Звездолет прямого луча «Темное пламя» достиг планеты Торманс, населенной потомками людей, некогда бежавших от наступающего коммунизма с Земли. С первых же дней своего пребывания на Тормансе звездолетчики сталкиваются с жесточайшим тоталитарным режимом, во главе которого стоит Чойо Чагас, каждое слово которого воспринимается его подданными как проявление высочайшей государственной мудрости. Начальнице земной экспедиции, историку Фай Родис, приходится быть максимально осторожной, ведь от нее во многом зависит будущее Торманса...

Романы Ивана Ефремова по праву входят в золотой фонд советской научной фантастики.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96992-0

© А. Первушин, вступительная статья, 2017
© И. Иванов, иллюстрации, 2017
© И. Ефремов, текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антон Первушин

ПРОРОК ВЕЛИКОГО КОЛЬЦА

Советская фантастика середины 1950-х годов жила ожиданием нового. В жанр пришли неплохие многообещающие писатели: Георгий Гуревич, Александр Казанцев, Георгий Мартынов, Александр Мееров, Владимир Немцов, Виктор Сапарин. Продолжали работать проверенные из числа довоенных: Сергей Беляев, Владимир Владко, Абрам Палей, Леонид Платов, Николай Шпанов. Появился первый фантаствовед Борис Ляпунов. Однако воображение перечисленных авторов все еще оставалось скованным установками популяризаторской фантастики «ближнего прицела», и отдельные тексты о светлом будущем Советского Союза, грядущем преобразовании природы и полетах к планетам Солнечной системы мало что меняли на фоне воспроизведения довоенных клише о молодых специалистах и пионерах, использующих очередное техническое «чудо» в борьбе с иностранными злодеями. Фантастике остро не хватало философского подхода, который двигал ее внутреннее развитие с начала века.

Нельзя сказать, что проблемы испытывала только советская фантастика. В западном мире жанр тоже превратился в развлекательное подростковое чтение с минимальным популяризаторским элементом. Но, например, в США их начал решать выдающийся редактор Джон В. Кэмпбелл, который почувствовал, как быстро меняется мир под влиянием новейших прорывных технологий и запустил процесс реформирования фантастики: например, за счет раздачи «домашних заданий» ищущим авторам. От них требовалось не только сочинить увлекательный сюжет, но и представить читателю более или менее связную картину будущего, в которой учитывались бы последствия научно-технических прорывов современности. Под его чутким руководством взошли такие «звезды» фантастики, как Айзек Азимов, Альфред ван Вогт, Лестер дель Рей, Теодор Старджон, Роберт Хайнлайн, и многие другие. Поскольку литература о будущем требует в том числе описания различных обществен-

ных укладов, порой весьма экзотических, то развлекательный жанр стал постепенно превращаться в один из способов социального моделирования, а там — рукой подать до философских обобщений, которые представляют интерес для более широких читательских кругов. На этой фантастике выросло поколение ученых и инженеров, ясно представлявших себе мир, в котором хотелось бы жить, и связавших свою судьбу с проектами, работающими на его приближение.

Советская фантастика тоже должна была дать ориентиры для послевоенной молодежи, перед которой была поставлена утопическая, но в то же время вполне конкретная задача — победить капитализм в экономическом противоборстве. Идею мировой революции отложили в долгий ящик, теперь актуальность приобрела концепция построения успешного коммунистического государства, одним своим примером вдохновляющего народы меняться в сторону установления более справедливых порядков. И одним из предвестников эры коммунизма стал Иван Антонович (Антипович) Ефремов.

Биографы Ефремова в желании объяснить, как выдающийся палеонтолог превратился в фантаста, указывают, что в детстве тот увлекался «географическими» романами Жюль Верна, а затем — Генри Райдера Хаггарда, что и подвигло его позднее попробовать себя в чем-то похожем. Но ведь этими книгами увлекались многие — наверное, было что-то еще? Да, действительно было: в 1942 году обычно деятельный ученый оказался в эвакуации, в Алма-Ате и Фрунзе (Бишкек), где любые попытки организовать работу по специальности наталкивались на препятствия со стороны местных властей, для которых изучение древних окаменелостей не было в числе приоритетов с учетом военного времени. Чтобы как-то отвлечься от мутного процесса преодоления административной неразберихи и доставить удовольствие своим коллегам по Палеонтологическому институту, Ефремов и начал писать рассказы, в которых личный «полевой» опыт причудливо сочетался с фантастическими идеями и образами.

Сами собой рассказы начали складываться в цикл историй, которыми делятся опытные путешественники, встретившиеся однажды с чем-то загадочным, неведомым, странным. Согласно авторскому замыслу, всего историй должно было быть тридцать две — по количеству румбов на картушке компаса. Однако в то время Ефремов написал только семь из них, известных сегодня под названиями: «Встреча над Тускаророй», «Элинский секрет», «Озеро Горных Духов», «Путиами старых

горняков», «Олгой-Хорхой», «Катти Сарк» и «Голец Подлунный». Позднее, в 1972 году, Иван Антонович сам поведал о сути замысла и его воплощении:

«Когда писались первые рассказы, наука в нашей стране да и во всем мире еще не претерпела того бурного развития, можно сказать, взрыва, какой характерен для второй половины века. Научная популяризация по количеству книг находилась на весьма низком уровне. Знакомство широкого читателя с достижениями, а главное — возможностями науки было еще весьма ограничено.

Для меня, ученого, тогда не помышлявшего о пути писателя, казалось важным показать всю великолепную мощь познания, беспредельный интерес видения мира, открывающийся трудом ученого, решающее его воздействие на самовоспитание. <...>

Интересно оглянуться назад и посмотреть, как же отразилось современное развитие науки на «необыкновенностях» конца тридцатых годов, тогдашней передовой линии в некоторых естественноисторических вопросах.

Проблема накопления тяжелой воды вне термического перемешивания на дне глубочайших океанических впадин («Встреча над Тускаророй») еще остается открытой. Не добыто решающих доказательств ни за, ни против.

С изобретением компьютеров и разработкой кибернетики мы приблизились наконец к материалистическому пониманию работы мозга и механизма памяти. Поэтому рассказ «Эллинский секрет», не напечатанный сначала из-за его кажущейся «мистики», мог быть опубликован в шестидесятых годах <...>.

Со времени опубликования «Озера Горных Духов» на Алтае действительно открыто ртутное месторождение при иных, не связанных с картиной Г. И. Гуркина, обстоятельствах. Это совпадение, а не пророчество, потому что, зная геологию Алтая, был убежден, что там будет найдено не одно месторождение ртути. Однако среди алтайских геологов родилась легенда, соответствующая содержанию рассказа.

«Путиами старых горняков» не содержал никаких научных новшеств и остался памятью труда геологов. Читатели Оренбургской области отметили место действия рассказа мемориальной доской.

«Олгой-Хорхой» не оправдал надежд на находку в недоступных местах Гоби особого червеобразного животного, убивающего на расстоянии. Недоступные прежде районы Гобийской

пустыни сейчас обстоятельно исследованы. Очевидно, «кишка-червяк» монгольского фольклора относится к животному, ныне вымершему, но сохранившемуся в народных преданиях, подобно волосатому носорогу и мамонту у юкагиров нашего Севера или снежному человеку гималайских шерпов.

Рассказ о великольном паруснике «Катти Сарк» исполнился до конца. Только корабль поставлен в музей не американцами, как я написал в первом варианте 1942 года, а самими англичанами. Судя по письмам английских читателей, мой рассказ в первом варианте, переведенный и опубликованный в Англии, сыграл известную роль в «освежении» памяти о «Катти Сарк» у народа, построившего этот изумительный клипер.

«Голец Подлунный» в первом варианте назывался «Сумасшедший танк», но был сочтен мною неудачным и полностью переделан в хроникальное и точное описание одного из моих сибирских путешествий. Фантастическое ядро рассказа — находка пещеры с рисунками африканских животных и бивнями слонов — неожиданно зазвучало реальностью после открытия А. В. Рюминым рисунков Каповой пещеры, правда, не в Сибири, а в Башкирии (и без склада слоновой кости). Вероятно, предчувствие подобных находок говорит о возможностях дальнейших открытий пещер типа описанной в «Гольце Подлунном». Тогда окончательно снимается фантастика рассказа».

Получается, что в начале своего творчества Ефремов подходил к литературе утилитарно, позиционируя их как научно-популярные очерки, иллюстрирующие некоторые гипотезы, которые возникали при экспедиционной работе. Однако написаны они были столь хорошим литературным языком и на столь высоком художественном уровне, что были незамедлительно приняты к публикации: в 1944 году пять из них печатаются в журналах и выходят отдельным сборником, который так и назывался: «Пять румбов». Гонорары оказались хорошей прибавкой к скромному жалованью палеонтолога, и Ефремов выпускает одну за другой новые истории, построенные по такому же образцу: максимальный реализм с введением элемента «необыкновенного».

Из числа русских классиков первым заметил оригинальные произведения Алексей Николаевич Толстой — говорят, что уже будучи смертельно больным в декабре 1944 года он пригласил Ефремова к себе и без обиняков спросил: «Рассказывайте, как вы стали писателем! Как вы успели выработать такой изящный

и холодный стиль?» Благодаря его ходатайству беспартийного Ивана Ефремова быстро приняли в Союз писателей СССР.

Казалось, что с этого момента литературная карьера ученого была предопределена: от него ждали новые познавательные тексты в духе «географической» фантастики. Однако, написав еще несколько «румбов», Ефремов резко изменил тематику, увлекшись древней историей. Сначала появляется повесть «На краю Ойкумены» (1949), за ней — «Путешествие Баурджеда» (1953).

Пожалуй, самым фантастическим текстом в раннем творчестве Ефремова был большой рассказ «Звездные корабли», написанный в 1945 году, но опубликованный только в июле 1947 года. В нем Иван Антонович популяризировал свежую по тем временам идею палеовизита, то есть посещения инопланетянами Земли в доисторическую эпоху, когда другие звезды сближались с нашим Солнцем.

В принципе Ефремов мог удовлетвориться сложившейся ситуацией и продолжать разрабатывать две литературные жилы, которые оказались более чем продуктивными: «географическая» фантастика и реконструкции древней истории. Но он был достаточно амбициозным человеком и понимал, что имя в мировой литературе ему принесет нечто по-настоящему революционное. И самой революционной в тот период была, конечно, тема космоса.

Как ученый Иван Антонович был очень далек от космонавтики, однако он мог пользоваться научно-популярной литературой: на ракетно-космическую тематику в начале 1950-х годов писали Карл Гильзин, Феликс Зигель, Борис Ляпунов, Георгий Покровский, Юрий Хлебцевич, Ари Штернфельд. В принципе Ефремов мог выбрать любого, но определенное сходство идей указывает, что предпочтение он отдавал Штернфельду, который тогда был крупнейшим из теоретиков космонавтики, публикуемых в открытой печати. Собственно, именно Штернфельд привнес австрийский термин «Kosmonautik» в русский и французский языки, противопоставляя его более распространенной «астронавтике» и при этом резонно указывая, что «определение науки, изучающей движение в межпланетном пространстве, должно дать понятие о среде, в которой предполагается движение (космос), но не об одной из возможных его целей».

Как проходила работа с новым материалом, Ефремов рассказал в статье «На пути к роману “Туманность Андромеды”», опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1961, № 4):

«Еще в пору занятий наукой я выработал в себе привычку фиксировать те проблемы и гипотезы, которые занимали, волновали меня. У меня существовали специальные блокноты, которые я в шутку называл «премудрыми тетрадами». В них делались различные пометки, наброски для памяти. Когда появился интерес к литературе, круг вопросов, занимавших меня, естественно, расширился, что сказалось и на характере моих записей: они стали более подробными. Если раньше одной «премудрой тетради» мне хватало на несколько лет, то теперь я истисывал их две-три за год. Я заносил в них литературные идеи, но не просто «голую мысль», а ряд деталей, фактов, сведений, группировавшихся вокруг какого-то стержня. <...> Особенно много записей появилось в моих «премудрых тетрадах», когда обдумывалась «Туманность Андромеды». Меня интересовали вопросы передовой современной науки самого широкого профиля и преимущественно тех отраслей, которые я знал хуже: физики, химии, медицины и т. п. Несколько лет я внимательно следил за всем, что в этих науках происходило. Нужно было понять, над какими вопросами бьется мысль современных биологов, астрономов, физиков...»

Судя по сохранившейся переписке, к непосредственной работе над своим самым знаменитым романом Иван Ефремов приступил осенью 1955 года, на реабилитации в Коктебеле. Тогда он условно называл его «звездной повестью» и полагал, что быстро справится с ним. Однако процесс затягивался, и к тексту пришлось вернуться в подмосковном академическом поселке Мозжинка, куда писатель переехал на съемную дачу весной 1956 года. Позднее Иван Антонович признавался:

«Мысль о полете человека в космос, на иные галактики, занимала меня давно, задолго до того, как первый советский спутник вышел на свою орбиту. <...> Я тогда прочел подряд десятка полтора-два романов современных западных, главным образом американских, фантастов. После этого у меня возникло отчетливое и настойчивое желание дать свою концепцию, свое художественное изображение будущего, противоположное трактовке этих книг, философски и социологически несостоятельных.

Таким образом, подтолкнули меня к осуществлению давнего замысла побуждения чисто полемические. Всей этой фантастике, проникнутой мотивами гибели человечества в результате опустошительной борьбы миров или идеями защиты капитализма, охватившего будто бы всю Галактику на сотни тысяч лет, я хотел противопоставить мысль о

дружеском контакте между различными космическими цивилизациями. Так родилась и созрела тема «Великого Кольца» (как я намеревался вначале назвать роман). Но постепенно в процессе работы над книгой главным объектом изображения сделался человек будущего. Я почувствовал, что не могу перебросить мост к другим галактикам, пока сам не пойму, каким же станет завтрашний человек Земли, каковы будут его мысли, стремления, идеалы. Может быть, поэтому первоначальное, слишком обязывающее заглавие как-то само собой отодвинулось и на его место явилось другое, более подходящее — «Туманность Андромеды». Оно тоже символизировало тот межгалактический контакт, мысль о котором была мне так дорога, но давало больший простор, не связывало меня. <...>

Но прежде, чем на бумагу лягут первые слова, первые строчки, я должен до мельчайших подробностей зрительно представить себе ту картину, ту сцену, которую собираюсь описывать. Перед моими глазами как бы должна «ожить» воображаемая кинолента. Только когда на этой киноленте я увижу, словно воочию, все эпизоды будущей книги в определенной последовательности — кадр за кадром, — я могу запечатлеть их на бумаге. И подчас такой период эмоциональной подготовки, когда весь материал, казалось бы, уже собран, продуман, но все никак не пишется, продолжается довольно долго. Особенно затяжным был он при создании «Туманности Андромеды».

Работа никак не спорилась, не двигалась с места. Я начал было отчаиваться: мой «экран» не вспыхивал внутренним светом, «не оживал». Однако подспудная работа воображения, видимо, продолжалась. Однажды я почти воочию «увидел» вдруг мертвый, покинутый людьми звездолет, эту маленькую земную песчинку, на чужой далекой планете Тьмы, перед глазами проплыли зловещие силуэты медуз, на миг, как бы выхваченная из мрака, взметнулась крестообразная тень того Нечто, которое чуть было не погубило отважную астролетчицу Низу Крит... «Фильм», таким образом, неожиданно для меня начался с середины, но эти первые, самые яркие кадры дали дальнейший толчок фантазии, работа сдвинулась с места.

Все эпизоды, связанные с пребыванием астронавтов на планете Тьмы, я видел настолько отчетливо, что по временам не успевал записывать. Писалось большими «кусками» по 8—10 страниц. И после этого я не уставал, а, наоборот, испытывал огромное удовлетворение, приток свежих сил. Зато «связки», то есть переходы между отдельными фрагмен-

тами, или, как говорят кинематографисты, «монтажными кусками», давались мне с колоссальным трудом. Так, чтобы написать небольшую «связку» — перебросить действие от башенки, в которой звездоплаватели выслеживают смертоносных медуз, к спиралодиску, залетевшему на эту планету-ловушку с другой галактики, мне потребовался целый день! А ведь подобная «связка» занимала всего четверть странички печатного текста. Да и сам текст-то был не бог весть какой. Но тем не менее давался он мне с трудом, так как здесь приходилось «отрываться» от воображаемого кинофильма. А это всегда дается мне значительно труднее.

Чем же вызваны дни вынужденного простоя в работе? Только ли тем, что материал не был еще достаточно освоен, осмыслен до конца? Конечно, и это играло свою роль. Но мне кажется, что при создании «Туманности Андромеды» я часто сталкивался и с теми специфическими особенностями жанра, которые создают иногда дополнительные трудности для писателя-фантаста. Сам подготовительный период бывает при этом длительнее, сложнее, особенно когда пытаешься представить и как-то осмыслить широкую картину грядущего. Когда, например, я писал свою очерковую книгу «Дорога Ветров» — о поездке советской палеонтологической экспедиции в пустыню Гоби, в которой я принимал участие, — дело обстояло значительно проще. Достаточно мне было просмотреть записи в своих путевых дневниках да еще взглянуть на фотографии, привезенные из Монголии, как все когда-то пережитое там сразу же оживало в памяти. Книга была написана легко и быстро.

Когда же я писал «Туманность Андромеды», приходилось, что называется, ставить себя на другие рельсы. Я работал над романом, находясь «в строгой изоляции»: жил один на даче под Москвой, почти ни с кем в это время не встречался и писал изо дня в день, писал не переставая. Единственное, чем я давал себе какую-то «разрядку», своеобразно стимулируя себя, были наблюдения за звездным небом. Вечерами и по ночам я любил разглядывать звезды в сильный бинокль, разыскивал на небосклоне Туманность Андромеды, а после снова принимался за работу... Для создания подобного романа мне нужна была не только предварительная подготовка в смысле накопления конкретных сведений, не только строгая продуманность всех «частностей», мелочей, но и какая-то психофизическая настроенность, временное «отключение» от повседневности для чисто технического осуществления замысла.

Так и остался у меня в памяти период работы над «Туманностью Андромеды» как время полного уединения, тишины, время, когда передо мной был только письменный стол и звездное небо, как бы придвинувшееся, приблизившееся ко мне».

«Туманность Андромеды» действительно очень сильно отличалась от всего, что писал Ефремов ранее: изменились язык, набор стилистических приемов, персонажи стали более схематичными, функциональными. Описываемый мир победившего коммунизма оказался слишком далек от советской повседневности, поэтому узнаваемые детали, которые автор вводил в роман для повышения уровня достоверности, выглядели чужеродными и даже нарушали некоторым образом внутреннюю логику повествования.

И все же роман состоялся. Он стал ответом на запрос молодого поколения, декларацией целей борьбы за геополитическое превосходство. При этом любые альтернативы коммунизму объявлялись в нем тупиковыми и отживающими свое, а строительство более справедливого общества виделось неизбежным не только на Земле, но и на других планетах. Самое главное, что в «Туманности Андромеды» успехи космической экспансии и контакта между мирами прямо увязывались с победой коммунизма, ведь в любом ином случае, как утверждал Ефремов, технологически развитая цивилизация уничтожит сама себя в силу нарастающих противоречий.

Первые главы сокращенной версии «Туманности Андромеды» появились на страницах журнала «Техника — молодежи» в январе 1957 года, сразу приковав внимание читателей. Аркадий Натанович Стругацкий вспоминал: *«В те годы вышла в свет «Туманность Андромеды» Ивана Антоновича Ефремова, которая произвела буквально ошеломляющее впечатление и оказала огромное влияние на всю последующую советскую фантастику. Это было первое произведение такого взлета фантазии, такого полета духа. И причем, обратите внимание, это необозримо далекое будущее отнюдь не было таким безобидным и розово-радостным. И в нем были потери и разочарования, и даже через тысячелетия перед человечеством будут стоять неразрешимые загадки, мучаясь над которыми будут гибнуть лучшие люди, гибнуть или уходить в невозвратный космос. Да, это была большая книга, написанная настоящим художником и мыслителем».*

Однако даже значительные тексты уходят в забвение, если их не подкрепляет сама история. Большому роману Ивана Ефремова повезло: 4 октября 1957 года советские ракетчики

запустили на орбиту первый искусственный спутник Земли. Событие вызвало колоссальный резонанс во всем мире, продемонстрировав научно-техническое превосходство СССР. Через месяц на орбиту отправилось первое живое существо — Лайка. Умозрительные концепции, изложенные в «Туманности Андромеды» (публикация сокращенной версии, как специально, завершилась именно в ноябре), вдруг обрели практическое наполнение: страна, разоренная в ходе самой опустошительной войны XX века, неожиданно для всех совершила прорыв в будущее. Получается, что Ефремов прав? Получается, что именно коммунистам будет принадлежать весь необозримый космос?..

Писатель и сам понимал, сколько значимо для его литературной судьбы эпохальное «совпадение». В предисловии к полному книжному изданию «Туманности Андромеды», выпущенному «Молодой гвардией» в 1958 году, когда космическое превосходство СССР было еще раз подкреплено успешным запуском тяжелой научно-исследовательской лаборатории «Спутник-3», Ефремов сообщал:

«Еще не была закончена первая публикация этого романа в журнале, а искусственные спутники уже начали стремительный облет нашей планеты.

Перед лицом этого непровержимого факта с радостью сознаешь, что идеи, лежащие в основе романа, — правильны.

Размах фантазии о техническом прогрессе человечества, вера в непрерывное совершенствование и светлое будущее разумно устроенного общества — все это так весомо и зримо подтверждено сигналами маленьких лун. Чудесное по быстроте исполнение одной мечты из «Туманности Андромеды» ставит передо мной вопрос: насколько верно развернута в романе историческая перспектива будущего? Еще в процессе писания я изменял время действия в сторону его приближения к нашей эпохе. Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее чем через три тысячи лет. Я исходил в расчетах из общей истории человечества, но не учел темпов ускорения технического прогресса и главным образом тех гигантских возможностей, практически почти беспредельного могущества, которое даст человечеству коммунистическое общество.

При доработке романа я сократил намеченный сначала срок на тысячелетие. Но запуск искусственных спутников Земли подсказывает мне, что события романа могли бы совершиться еще раньше. Поэтому все определенные даты в

«Туманности Андромеды» изменены на такие, в которые сам читатель вложит свое понимание и предчувствие времени.

Действие в окончательном варианте романа и впрямь происходит не через три тысячи, а через тысячу лет («десять веков»), то есть во второй половине XXX века.

Идеологическая связка между утопическими конструкциями и практической космонавтикой использовалась и в дальнейшем. Вот, например, какой пассаж мы встречаем в автобиографической книге первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина «Дорога в космос» (1961): *«У себя в комнате мы читали ее [«Туманность Андромеды»] по очереди. Книга нам понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, прочитанных в детстве. Нам полюбились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвездных путешествий, мы были согласны с писателем, что технический прогресс, достигнутый людьми, спустя несколько тысяч лет был бы немислим без полной победы коммунизма на земле».* Гагарин неоднократно упоминал роман Ефремова и в своих интервью, противопоставляя его «бульварной» англоязычной фантастике, описывающей будущую Галактику как обновленную версию Дикого Запада. В главном и космонавт, и фантаст были, конечно, правы: внеземные пространства — не место для войн. Однако нюанс состоит в том, что вся советская космонавтика от своих первых шагов до финала истории СССР работала преимущественно на решение военных задач, причем не только оборонительных.

Все же самому Ефремову казалось, что он не сумел донести отдельные важные идеи до читателя. Позднее он пояснил свою позицию так:

«Мысль о контакте между жителями Земли и обитателями других миров — идею «Великого Кольца» — я считаю здесь главной. Это то, что больше всего занимало меня в книге. <...> Правда, в самой «Туманности Андромеды» непосредственный контакт людей Земли с иными галактиками является еще как бы задачей будущего, весьма отдаленной целью, к которой стремятся ее герои. Но мечта об этом присутствует в романе, создает простор для устремлений героев.

Впрочем, мне все же хотелось досказать главную мысль до конца — она не давала мне успокоиться, — и я написал, «не переводя дыхания», рассказ «Сердце Змеи», в котором впервые встречаются звездолеты двух разных галактик.